

А. И. КОНДРАТЕНКО,
кандидат политических наук,
доцент кафедры журналистики ГОУ ВПО
“Орловский государственный университет”,
первый заместитель главного редактора
газеты “Орловская правда”

МАЛИКОВЫ

Имена этих двух людей, двух однофамильцев навсегда остались в орловской истории. Хотя не были они генералами или писателями, губернаторами, купцами ... Лука Маликов, например, служил несколько десятилетий обыкновенным священником во Введенском девичьем монастыре. Александр Маликов, высокообразованный юрист, приехал в Орел в качестве ссыльного через двадцать лет после смерти Луки. Приехал, чтобы заявить в этом провинциальном городе о рождении новой религии ... Но обо всем по порядку.

Лука

Лука Маликов был сыном малоархангельского священника. Впрочем, в середине XVIII века уездного города Малоархангельска еще не существовало, было только село Архангельское. Как вспоминал уже на закате своей жизни Лука, «недавно мне случилось быть на моей родине в бывшем селе Архангельском, и я не нашел и малейших признаков этого села. Как я был в детстве, то помню, что вокруг места моей родины были болота и леса, а среди самого села существовало озеро: теперь уже озера нет, а где были леса и болото, там волнуются нивы землевладельцев».

В 1777 году, по извечной традиции, сын сельского священника был принят в Воронежскую духовную семинарию. Кажется странным, почему недоросль из орловского села был зачислен в семинарию не в Севске, а в

Воронеже. Однако все станет ясно, если вспомнить, что в то время еще не было Орловской епархии, а Елец, Ливны, Новосиль и, соответственно, территория будущего Малоархангельского уезда входили в пределы обширной Воронежской епархии.

Малолетний Лука Маликов стал, если можно так выразиться на современный лад, «одноклассником» Евгения Болховитинова – будущего известного историка и литературоведа, митрополита Киевского, предки которого, кстати, были родом с Орловщины, – от названия города Болхова и произошла фамилия Болховитиновых.

И Маликов, и Болховитинов поступили в семинарию в один и тот же год – 1777-й. Семинария тогда помещалась в архиерейском доме, занимая в нем всего десять комнат и одну аудиторию. Ученики были явно не из особо имущего сословия. Лука Маликов, например, даже просил воронежского епископа преподобного Тихона о зачислении за ним в его родном селе Архангельском открывшегося причетнического места. Владыка затребовал тогда у семинарского начальства отзыв – и мнение о семинаристе Маликове было высказано самое похвальное. На средства, полагавшиеся причетнику, и учился Лука Маликов в Воронежской семинарии.

В связи с открытием новой епархии – Орловско-Севской – и переходом территории будущего Малоархангельского уезда в ее пределы семинарист Маликов после 1788 года был переведен на учебу в соответствующую семинарию в Севск. По окончании ее в январе 1791 года стал дьяконом Преображенской церкви в Орле, с декабря 1793 года – священник Введенского девичьего монастыря.

Судьба у Маликова сложилась непростая. Рано умерла жена, оставив трех дочерей. А когда они выросли и вышли замуж, новое горе постигло младшую дочь – у нее умер муж, священник Крестительской церкви в Орле. И снова Лука Маликов, теперь уже в преклонные годы, взял на свое попечение четверых внуков.

Конечно, в те годы такое было не в редкость. Да только у Луки никогда не водилось лишней копейки. К примеру, с самой юности он не ел мясного, не пил ни рюмки вина. Его дом был открыт для всех, кто шел за советом, за утешением, для искавших поддержки и защиты, иные жили здесь годами, пытаясь постичь смысл своей жизни ... Это был один из тех людей, без которых, наверное, не стоит ни одно селение, ни один город.

Лука был необыкновенно требователен в вопросах веры и соблюдения всех правил поведения в храме, не стеснялся делать замечания прихожанам. И речь шла не только о простых орловцах. Однажды важный петербургский чиновник, посланный в губернию по поручению самого императора, молился в монастырской церкви, не сняв перчаток. Лука подошел к нему:

– Ваше превосходительство! Позвольте вас спросить вот о чем: в столице живя, вы, конечно, часто видите царя, а может быть, и сами близ

него находились. Скажите же, пожалуйста, когда ему подают прошения, то в перчатках ли подают?

Чиновник, несколько обескураженный, топорливо принялся стягивать перчатки:

– Простите, батюшка, виноват ...

Появление столь щепетильного чиновника, без сомнения, стало событием для женского монастыря в Орле. Ведь не секрет, что при бывшей здесь в конце XVIII века и в самом начале века XIX игуменье Феофании «благородные послушницы скупали у бедных монахинь кельи и строили для себя просторные помещения, окружали себя светской прислугой, принимали гостей, выезжали в свои деревни к родственникам и не показывались в монастыре по году». Монахини были настолько своенравны, что однажды просто восстали против принципиальности Маликова – больше месяца Лука был вовсе не у дел. Однако со временем строгие нравы постепенно брали свое, и монастырь все больше и больше походил на истинную обитель. Как кто-то остроумно заметил, по ночам здесь уже не раздавался крик и плач младенцев.

Когда много лет спустя Луке Маликову выпала удача получить по совместительству место в духовной консистории у орловского архиерея, он, прослужив здесь лишь четыре с половиной года, все же не удержался в окружении владыки.

Что же произошло? Вот как описывал начало этой истории Николай Лесков: «Архиерей Никодим был злой человек, отличившийся к концу своей земной карьеры тем, что, желая иметь еще одну кавалерию (орден. – **А.К.**), он из угодливости сдал в солдаты очень много духовных, между которыми были и единственные сыновья у отцов и даже сами семейные дьячки и пономари. Они выходили из города целой партией, заливаясь слезами. Провожавшие их также рыдали, и самый народ, при всей своей нелюбви к многоовчинному поповскому брюху, плакал и подавал им милостыню ...

Архиерей наш Никодим
Архилютый крокодил ...»

Так пишет Лесков. А орловский губернатор той поры Аркадий Васильевич Кочубей считал, что Никодим был «человек непросвещенный, старого покроя, но строгих правил и самой строгой жизни».

На пышном обеде, который собрался у Никодима вскоре после проводов новобранцев, Лука Маликов, к удивлению собравшихся, попросил слова:

– Ваше преосвященство! Вы любите правду и желаете, чтобы вам говорили правду; кроме сего преосвященству угодно было почтить меня особенным доверием, сделав членом консистории. Поэтому представляется мне, что я обязан не обинуясь, как член консистории, говорить правду по делам, касающимся епархии вашего преосвященства. Покорнейше прошу вас позволить мне сказать несколько слов, и не оскорбитесь тем, если слова мои покажутся вам

неприятными. Кто же вам и скажет горькую правду, как не мы, старики.

Никодим, выслушав столь долгое предисловие, с немалым интересом разрешил Луке продолжить ... Каково же было его удивление, когда Лука Маликов выступил с упреками в адрес архиепископа. Никодим возразил:

– Что же мне было делать? Я действовал по предписанию.

Лука вступил с ним в спор:

– Все мы люди, все со слабостями и близки к падению во грехи. Если бы и следовало исполнить предписание, то этому предшествовать должна любовь к подвергшимся несчастью. А это и было упущено. Дерзну сказать: ваше преосвященство превысило даже меру, указанную вам правительством.

Никодим в раздражении заметил:

– Но исправить-то теперь уже ничего нельзя!

Лука ответил:

– Помогите хотя бы семьям, у которых не осталось даже хлеба.

Архиерей с гневом встал из-за стола и ушел. Разошлись и озадаченные гости.

Развязка этой истории известна. Вскоре Лука Маликов получил серьезный упрек как член консистории по поводу своей якобы необъективности относительно дел Введенского монастыря. Верно поняв, куда движется дело, Лука Маликов попросил об отставке. И она была принята... Правда, и архилютый Никодим нашел денег, чтобы дать милостыню семьям, оставшимся без кормильцев. Но обида на правдолюбца осталась, видимо, навсегда.

Никодим уже перешел в мир иной, когда Луку постигло новое несчастье: во время большого орловского пожара сгорели и дом его, и церковь, в которой он служил. Остался священник с внуками без крова, без пищи. А было ему уже под восемьдесят лет. Сжалились – назначили в одну из орловских кладбищенских церквей – Крестовоздвиженскую. Кое-как зарабатывал на пропитание, читая молитвы над покойниками. Увязал в снегу среди могил, месил грязь непролазную. А когда силы совсем покинули его, просил нового архиерея найти для внуки жениха-семинариста. Жених был вскоре найден, и он же занял место Луки в кладбищенской церкви.

Последние три года Лука был обездвижен, прикован к постели. Умер он в августе 1851 года и был похоронен возле Крестительской церкви в Орле. В лихолетьях XX века могила не сохранилась.

Александр

Уже два десятилетия прошло после смерти Луки Маликова, когда в Орел приехал его однофамилец – Маликов Александр Капитонович. Целая эпоха миновала в истории России: от предреволюционной лихорадки и сонма надежд до разочарования в

истинном результате реформ. Помните, Блок писал:

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна ...

Маликов попал в Орел и случайно (он, ссыльный, не мог выбирать себе место несвободы), и не случайно. Орел «подобрал» ему, используя свои связи, обер-прокурор святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.

Печально известный Победоносцев был знаком с Маликовым еще по Московскому университету, где в переломные предреформенные годы первый был профессором законовещения, а второй – его студентом, приехавшим на учебу в столицу из владимирской глуши.

Их переписка длилась десятилетиями и была довольно оживленной, что дало повод позднейшим исследователям заподозрить: а не были ли сами идеи Маликова инспирированы консерватором Победоносцевым в далеко не благовидных целях? Как знать ... По всей вероятности, Маликов вряд ли был «ангелом влияния», манипулируемым Победоносцевым. В круг общения обер-прокурора, а тем более в круг его постоянной переписки, входили сотни людей: писатели, священники, учителя, чиновники. Встречаем мы здесь и Достоевского, и Чайковского. Неужто и их необходимо заподозрить в чем-то? Победоносцев был антиподом вошедшим в моду революционерам, а крайности всегда притягательны. Недаром московское славянское общество подарило ему дубовое кресло с надписью в старинном духе: «Тише едешь, дальше будешь» ...

После университета в начале биографии Маликова была служба судебным следователем в Жиздринском уезде Калужской губернии, где располагались знаменитые Мальцовские заводы. В нередких конфликтах рабочих с хозяином Маликов неожиданно принял сторону рабочих. Это вызвало такое удивление, что даже калужский губернатор вызвал строптивого следователя объясниться. Маликов не поехал и вскоре был уволен.

По делу Каракозова его выслали в Холмогоры. Но благодаря известному нам заступничеству Маликов получил разрешение перебраться в Орел, где устроился на работу в железнодорожное управление. Женой Маликова была Клавдия Пругавина – сестра известного исследователя русского Раскола ...

Маликов приехал в ссылку в Орел, но ссылка эта была особой, вряд ли похожей на множество других. Он приехал в этот город с идеей новой религии или, если взглянуть шире, с идеей нового, идеального мироустройства. Маликов нашел здесь единомышленников, отсюда он заявил о себе на весь мир. Он мечтал и проповедовал, он

хотел разбудить человечество, которое в своей гордыне и ненависти, по его твердому убеждению, неотвратимо приближалось к катастрофе.

Орловские революционеры-народники пренебрежительно называли его «богоносцем», а в Петербурге уже вовсю заговорили о появившемся в Орле проповеднике бескровной революции.

В начале 1870-х годов Маликов основал в Орле кружок молодых энтузиастов – богочеловеков. Николай Цвилленев, тульский уроженец, вспоминал о поездке в Орел в июне 1874 года и о встрече с Маликовым:

«Помню хорошо его одухотворенное лицо, простые, приветливые манеры. ... Не дожидаясь его вопросов, я сказал, что не вижу другого способа избавить обездоленный народ от его нестерпимого положения, как путем социальной революции. «Вот это-то и ошибка, – сказал Маликов, – нужно знать человеческую природу, полюбить человека и искать в нем искру божью, заглохнувшую, быть может: воспламенить в нем эту искру». ... С пламенным энтузиазмом говорил он о возможности переделать человечество пропагандой социальной справедливости даже среди сильных мира сего, и они добровольно откажутся от тех привилегий, которые в общественной жизни создают столько зла ... Вера Маликова была необыкновенно заразительна и гипнотизировала слушателя, но я не мог понять все-таки, как мог допускать этот человек возможность победить антагонизм классовых соотношений».

Он был убежден, что в каждом человеке есть божественное начало. Стоит обратиться к нему, отыскать в человеке Бога, – тогда не нужно насилия: Бог все устроит в душах людей, и все станут справедливыми и добрыми. Никакая революция не может улучшить социальных отношений между людьми. Необходимы взаимная любовь и полное доверие, «чтобы доставить счастье не только пролетариату, но и имущим классам»...

На диспутах оппоненты Маликова буквально загоняли его в угол силой аргументов и холодной логики, но парадокс заключался в том, что участники споров душой, сердцем все равно в подавляющем большинстве оставались за Маликова. Так, известный деятель революционного движения Николай Чайковский, специально приезжавший в Орел к соратникам, вернувшись в Москву, заявил на одном из своих нелегальных собраний своим соратникам: «Не ждите какого-либо блага от кровавой войны между людьми: война родит войну... Все люди – люди, следовательно, врагов не существует».

Одни проникались этой душевной проповедью, другие подозрительно шептались: «Маликов совратил Чайковского теорией богочеловечества».

В кружок Маликова входило не больше пятнадцати-двадцати представителей орловской молодежи. Не случайно не где-то в столицах, а именно в Орле его вера обрела пусть мало, но все-таки зримое число сторонников. Идея пролетарской революции была, мягко говоря, непонятна в чисто купеческом, дворянском, мещанском

городе. Да, была усталость от обнищания народа, усталость от ничем не ограниченного произвола властей. Но, видимо, не было еще зверского желания «грабить неграбленное», «уничтожать как класс», устраивать террористические акты и так далее. Члены кружка Маликова не признавали никаких властей, но в то же время были против всякой революционной борьбы, которая, по их мнению, только увеличивала вражду. Ближе было примирение, духовное совершенствование, а не бунт.

Последователи Маликова были подвергнуты уничтожительной критике со стороны радикальных революционеров. Маликова называли нанятым Победоносцевым провокатором. О нем говорили, что он своей проповедью делает для правительства больше, чем целый округ жандармов. А саму идею именовали не иначе, как «немецкая травянисто-зеленовесенняя сентиментальность» (!). Говорили, будто это припадок. Возмущались тем, что Маликов предлагает «обожесть» всех людей, в том числе биржевиков и жандармов.

Но Маликов пытался убеждать и жандармов. Рассказывали, что, будучи арестованным, он с такой пылкостью убеждал самих полицейских в идеях богочеловечества, что они отпустили его на волю. Увы, серия арестов все-таки положила конец деятельности его кружка в Орле. Правда, найти много «вещественных доказательств» антигосударственной деятельности полиции не удалось. Обнаружены были два листа бумаги, на которых в виде тридцати семи тезисов излагались основы «новой религии» ...

Потерпев неудачу в Орле, Маликов, Чайковский и ряд их единомышленников уезжают в Америку, на землю обетованную, с мечтой построить здесь новое общество. Что и говорить, среднерусские черноземные просторы, перенаселенные бедным крестьянством, мало подходили для столь масштабных социальных утопий. Впрочем, всего полвека спустя большевики и в патриархальной деревне взялись за строительство мировой коммуны ...

«Богочеловеки» основали в Канзасе коммуны под названием «Кедровая долина», коммуна просуществовала всего два года. По сути, ее обитатели оказались в роли робинзонов, которые выросли в достаточно обеспеченных семьях и не умели заниматься повседневным трудом ради выращивания хлеба насущного.

Позднее Маликов жил в Перми, служил, как и в Орле, в управлении железной дороги. Видная деятельница революционного движения Н.А. Головина (Юргенсон) вспоминала в 1925 году о конце 1870-х: «Приехав в Пермь, я поступила на службу в управление горнозаводской уральской дороги. Управляющим дорогой был инженер Островский, а правителем его канцелярии был Александр Капитонович Маликов ... Это был тот Маликов, который вместе с Н.В. Чайковским стал во главе отколовшихся от революционного движения так называемых «богочеловеков». Учение это было прообразом будущего толстовства,

да, вероятно, и мыслям Л.Н. Толстого был дан толчок этим движением ...»

Дело в том, что после возвращения из Америки «колонисты» какое-то время жили в имении Толстого, имели возможность встречаться и общаться с писателем. Сам Толстой нередко называл впоследствии Маликова своим учителем. В статье «К десятилетию смерти Л.Н. Толстого» В.Г. Короленко писал:

«Маликов ... часто рассказывал мне о своих беседах с Толстым. Есть все основания думать, что для Л.Н. Толстого, как известно, легко заражавшегося чужим искренним и цельным настроением, идея непротivления впервые явилась под влиянием пламенного красноречия Маликова».

А сам Короленко познакомился с «богочеловеком», будучи в ссылке в Перми. Он посвятил ему главу «Александр Капитонович Маликов» в книге воспоминаний «История моего современника». Как отмечал писатель, в семье Маликовых присутствовали мистическая струйка и вера в сны и предсказания. И даже маленький сын, подпрыгивая на одной ножке, сообщал иной раз новость гостям:

– А папка-м бог, а папка-м бог!

Кто знает, что случилось с этим наивным мальчиком в бурях нашего века! Отец его, умерший в 1904 году, был типично русский мыслитель, пытавшийся своей, наверное, все же наивной идеей преодолеть главный раскол в России. Но уже сложившаяся не в одночасье обстановка в обществе, социальные противоречия оказались настолько напряженными, что Маликов и его единомышленники остались в итоге в полном

одиночестве. Верх брали те, кто хотел социальных потрясений, кто проповедовал бурю, кто звал на баррикады.

И буря грянула... Оглядываясь на эпоху потрясений и катастроф, надо очень внимательно и терпеливо всматриваться в даль прошлого, чтобы наконец-то разглядеть смиренные фигуры Маликовых на фоне воинствующего ожесточения, неверия и отчаяния. «Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи», – говорил когда-то Серафим Саровский. Спасутся ли, захотят ли, найдут ли в себе душевные силы люди? Об этом задумываешься, перед тем как поставить последнюю точку в очерке об орловских праведниках Маликовых.

Литература

1. Акиншин А.Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 1994.
2. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». Репринтное изд. М., 1989.
3. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века. М., 1965.
- Короленко В.Г. История моего современника. Орловский календарь 1903 года. Орел, 1903.
- Пясецкий Г. Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря. Орел, 1896.
- Пясецкий Г. Перемещение Орловского Введенского девичьего монастыря к Христорождественской г. Орла церкви 1843–1848 // Орловские епархиальные ведомости. 1895. № 11, 12, 13. отд. неоф.
- Пясецкий Г. Пожар Орловского Введенского девичьего монастыря и положение обители до восстановления ее при Христорождественской церкви (1843–1848) // Орловские епархиальные ведомости. 1889. № 5, 7, 8. отд. неоф.

